

Некоторое время назад ходили слухи, что Чэн Чжилинь привёл любовницу и внебрачного сына в дом, но братья даже не обратили на это внимания. Они уже знали, каков Чэн Чжилинь, и понимали, что любые их слова не принесут пользы. К тому же они действительно перестали заботиться о нём, поэтому его проблемы теперь касались только его семьи и старика.

Чэн Чжилинь, ошеломлённый, наконец понял, что старик действительно хочет выгнать его из дома, не оставив ни копейки?

Но сейчас, если он будет спорить, это только ухудшит ситуацию. Поэтому он с отчаянием опустился на колени, и слёзы хлынули из его глаз. Человеку за сорок, он выглядел особенно жалко.

— Отец, я больше ничего не скажу. Я буду делать всё, как ты скажешь, хорошо? Неужели ты действительно хочешь выгнать меня? Я, может, и не твой любимый сын, но всё же твой сын...

Чэн Чжилинь теперь забыл о гордости. Перед ним стояли младшие члены семьи, а он стоял на коленях, плача. Но сейчас, если он сохранит лицо, то останется без денег, поэтому ему пришлось пойти на крайние меры. Что касается Чэн Кэ, пусть остаётся. Это лучше, чем быть выгнанным из дома.

Чэн Цзинцзюнь бросил взгляд на Чэн Чжилиня, и сердце его сжалось. Даже сейчас тот говорил, что его не любят. Хотя на самом деле старик всегда больше всего любил младшего сына. Он даже не понимал, как Чэн Чжилинь мог так думать. Разве любовь измеряется количеством подарков? Он ради Чэн Чжилиня даже отказался от многих дел, чтобы проводить с ним больше времени. Неужели он этого не знает?

Когда старшие сыновья были маленькими, он не мог уделять им много внимания, потому что Корпорация Чэн находилась на подъёме, и он был полон амбиций, мечтая о великих делах. Но через два года после рождения Чэн Чжилиня его жена умерла, и он, охваченный горем, решил, что семья важнее всего. Именно тогда он заметил, что старшие сыновья уже могут сами о себе заботиться, и сосредоточился на младшем. Но, увы...

Старик тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Чэн Чжилинь, увидев это, испугался и начал биться головой об пол, издавая громкие звуки, которые пугали окружающих.

На этот раз Хэ Цзяхуэй не выдержала. Для неё этот человек был подлецом, но всё же... всё же у них был почти год счастливой жизни.

Первый год после свадьбы Чэн Чжилинь относился к ней хорошо. Хотя один год по сравнению с восемнадцатью кажется ничтожным, но для Хэ Цзяхуэй это был самый важный год в её замужестве. По крайней мере, она была счастлива.

Хэ Цзяхуэй уже собиралась заговорить, но Чэн Кэ посмотрел на неё, давая понять, чтобы она молчала, и сам произнёс:

— Дедушка, у папы уже кровь на лбу.

Чэн Цзинцзюнь всё ещё не открывал глаз. Чэн Чжилинь, боясь, что тот не уступит, продолжал биться головой, звук становился всё громче, и даже Чэн Чжисун с Чэн Чжибаем начали беспокоиться.

— Отец, прости третьего брата. Третий брат, хватит, ты себе мозг повредишь.

— Да, отец, третий брат, наверное, понял свою ошибку. Не волнуйся, Сяо Кэ теперь под нашей с братом опекой, мы не дадим ему в обиду.

Чэн Цзинцзюнь медленно открыл глаза и, глядя на Чэн Чжилия, сказал:

— Ладно.

Чэн Чжилия поднял голову, лицо его было в крови, лоб разбит. Он попытался встать, но поскользнулся и снова упал, представляя собой жалкое зрелище.

— Запомни, в моих глазах Сяо Кэ важнее тебя в сто раз. Если ты ещё раз устроишь сцену, я не пощажу тебя.

— Я запомнил, отец.

— Убирайся.

Чэн Чжилия поспешно ушёл, боясь, что старик передумает. Но перед тем как уйти, он оглянулся и встретился взглядом с Чэн Кэ. В глазах сына он увидел лишь насмешку.

Чэн Чжилия ушёл, а старик велел приготовить ужин и попросил Чэн Чжисуна и Чэн Чжибая остаться. Его целью было обсудить дела с семьёй Хэ после развода Чэн Чжилия. Цзян Хао, проявив такт, ушёл с дядей Цяном к себе домой.

За ужином Хэ Цзяхуэй сказала:

— Отец, я ещё не развелась, поэтому позвольте мне пока называть вас отцом. На самом деле вам не нужно беспокоиться. Мой брак с Чэн Чжилием — это наша проблема. Я надеюсь, это не повлияет на сотрудничество наших предприятий.

Чэн Цзинцзюнь кивнул:

— Цзяхуэй, ты хорошая девушка. Жаль, что у Чжилия нет мозгов. Я надеюсь, что ты будешь жить лучше. Эх, как бы то ни было, тебе будет лучше. Ты столько лет терпела с ним. Что касается дел, то всё не так сложно.

Хэ Цзяхуэй кивнула.

Чэн Чжисун добавил:

— Цзяхуэй, не переживай. Я много лет сотрудничаю с твоим братом Хэ Синьанем, и он не из тех, кто руководствуется эмоциями. У нас никогда не было проблем, так что не беспокойся.

— Да, я уже говорила с моей семьёй. Хотя мой второй брат немного зол, но только на Чэн Чжилия. Это не повлияет на дела компании. Мои родители его уже отругали, так что с семьёй Хэ всё будет в порядке. Бизнес как обычно.

Чэн Чжибай тоже сказал:

— Цзяхуэй, у меня хорошие отношения с твоим братом Хэ Синьнином. Он давно знает о твоих делах с Чжилием. Хотя он на твоей стороне, но он говорил мне, что чувства — это одно, а бизнес — другое. Кстати, он попросил оставить тебе квартиру в строящемся жилом комплексе

Суюнь. Когда строительство завершится, приходи ко мне. Я уже сказал отделу продаж оставить тебе квартиру с ремонтом.

— Не нужно. Хотя я ничего особенного не делала, у меня всё ещё есть доля в Предприятии семьи Хэ, этого хватит на жизнь. К тому же я открыла цветочный магазин, так что мне не нужно просить у вас деньги. Мои ноги могут быть слабыми, но я ещё не сдалась.

Семья начала расспрашивать о цветочном магазине Хэ Цзяхуэй, и та оживилась, с улыбкой рассказывая о своём деле. Чэн Цзинцзюнь заметил, что всего за месяц его невестка стала выглядеть гораздо бодрее, и это радовало его. Мысль о сыне, который не ценил её, снова вызвала у него гнев. Чэн Чжилин действительно был слеп.

Ладно, старик решил не продолжать. Раз обе семьи всё понимают, ему не о чем беспокоиться. Но он всё же хотел компенсировать невестке её потери, поэтому произнёс:

— Цзяхуэй, возьми квартиру. И я даю тебе ещё три процента акций Корпорации Чэн. Завтра я скажу юристам оформить это как можно скорее.

Хэ Цзяхуэй заволновалась. Предприятие семьи Хэ не могло сравниться с Корпорацией Чэн. Три процента акций казались небольшими, но для знающих людей это была огромная сумма. В Корпорации Чэн было более ста акционеров, многие из которых владели долями менее одного процента. Даже у Чэн Чжисуна и Чэн Чжибая было только по десять процентов, а у Чэн Чжилина — всего полтора процента, которые старик подарил ему давно. А теперь он давал ей три процента — это был огромный подарок, который она не могла принять.

Она начала отчаянно качать головой:

— Отец, я не могу это взять!

Чэн Чжисун и Чэн Чжибай тоже были удивлены. У старика было тридцать три процента акций Корпорации Чэн, и, отдав три процента, их семья оставалась с чуть больше половины. Но они ничего не сказали, ведь это было право старика распоряжаться своим имуществом.

— Цзяхуэй, возьми. Теперь ты больше не моя невестка, но ты моя дочь. У меня никогда не было дочери, и я всегда завидовал тем, у кого они есть, — старик улыбнулся.

Хэ Цзяхуэй не могла отказаться и сказала:

— Отец, я не могу взять эти акции. Может, я возьму их сейчас, а когда Сяо Кэ исполнится восемнадцать, подарю ему?

Старик ответил:

— Как хочешь. Это будет твой подарок Сяо Кэ. Но сейчас это мой подарок тебе, так что не отказывайся.